БЕЛАРУСКІ КАЛЕГІЮМ

Belarusian Collegium

HOMO HISTORICUS 2016

The Annual of Anthropological History

Edited by Aliaksandr Smalianchuk,
Doctor in History

БЕЛАРУСКІ КАЛЕГІЮМ
Беларускі калегіум

HOMO HISTORICUS 2016

Гадавік антрапалагічнай гісторыі

Пад рэдакцыяй
доктара гістарычных навук Аляксандра Смаленчука

ISSN 2424-5216
ISSN 2424-5224 (Online)

Рэдактар
доктар гістарычных навук Аляксандр Смалянчук

Рэцэнзенты:
доктар гістарычных навук Захар Шыбека, Універсітэт у Тэль-Авіве;
доктар Рымантас Мікніс, Інстытут гісторыі Літвы (Вільня);
доктар гістарычных навук Аляксандр Краўцэвіч, Варшаўскі ўніверсітэт;
доктар хабілітаваны Ганна Энгелькінг, Інстытут славістыкі
Польскай акадэміі навук (Варшава)

Homo Historicus 2016. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад. рэд. Аляксандра Смаленчука. – Вільня: Беларускі калегіум, 2016. – 222 с.

Homo Historicus 2016 працягвае традыцыі трох першых тамоў (2008, 2009 і 2012 гг.) з іх арыентацыяй на пашырэнне антрапалагічнага стылю мыслення ў аналізе мінулага. Большасць апублікаваных матэрыялаў датычыць феномену памяці ў самым шырокім яго разуменні.

ISSN 2424-5216
ISSN 2424-5224 (Online)

ОТ СОЮЗНИКА ДО КОНКУРЕНТА: ВОСПРИЯТИЕ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЛИТОВСКОМ ПЕРИОДИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ "LITWA" В 1908–1914 гг.

Ольга Мастяница
PhD (Вильнюс)

Summary

This part of the Lithuanian politicians considered the possibility of having Belarusian national movement as an ally mainly when it came to the ideological and actual opposition to the Polish national movement. It seems that, at least the Lithuanian National Democrats and part of the Catholic clergy were not particularly interested in development of Belarusian national movement itself. Such interest was dictated by reasons mentioned above, rather than by results of sequential studies of political and cultural program of the Belarusian national movement. Even representatives of Lithuanian intellectuals who maintained close contacts with the Belarusian national movement were not consistent in their position to see the Belarusian national movement as an ally or as a competitor, what testified at least the position of L. Gira.

The change of view on the possibility of cooperation between the Lithuanian and Belarusian national movements can be recorded in 1910–1911. Representatives of the Lithuanian National Democrats proposed to maintain some wariness towards the Belarusian national movement, despite the fact that it was on the initial stage of development. This part of the Lithuanian intellectuals "saw" the Belarusian national movement's claims not only for the heritage of the Grand Duchy of Lithuania. They recorded the possible friction between the Lithuanian and Belarusian national movements in matters of affiliation of Vilnius town and its province (in the Belarusian national discourse it was called Vilnia) and saw an opportunity of "overlapping"

Lithuania and Belarus in the ethnographic borders. This position of National Democrats and some Catholic clergy, which was expressed in the newspaper "Litwa", testified that this part of the Lithuanian politicians clearly understood the position of Belarusian politicians to determine in the future the territory of Belarus by ethnolinguistic and ethnographic features and to create a separate political and territorial unit in ethnographic borders.

События 1905 г. уже позволили литовским политикам предположить, что белорусское национальное движение, находящееся на начальной фазе своего развития, со временем может стать серьёзным препятствием в реализации проекта автономии Литвы в этнографических границах. Именно в это время выявились первые серьезные расхождения между представителями литовского и белорусского движений во взглядах на территориальное устройство автономной Литвы.

Участники съездов автономистов от белорусских, польских и еврейских политических организаций, следуя исторически сложившейся традиции, под термином «Литва» понимали весь «Северо-Западный край», который должен был существовать как одно государственное образование. При этом за всеми народностями «Литвы» закреплялось теоретическое право на свободное развитие национальной культуры и языка.

В то же время представители литовских национальных партий и политических группировок под термином «Литва» подразумевали исключительно те земли, на которых преобладало население, говорящее на литовском языке или же являющееся литовским в этнографическом плане[1]. В этом случае литовцы имели бы статус титульной нации.

Белорусская интеллигенция после 1905 г. первоочередное внимание уделяла так называемому «культурному накоплению», т. е. «органической» деятельности, направленной на создание идеологической и кадровой основы национального движения. Вопросы политического характера отошли на второй план. Главной своей задачей белорусская интеллигенция считала теоретическую разработку национальной программы, ее внедрение в широкие массы населения, а также обеспечение ее поддержки со стороны других национальных движений, в т. ч. литовского. По мнению белорусского историка Андрея Унучека, в белорусском национальном дискурсе литовцы воспринимались как пример и как союзник. Их превращение в конкурента произошло лишь во время Первой мировой войны[2].

В то же время восприятие белорусского движения в литовском национальном дискурсе не было столь однозначным и часто зависело от идеологических установок той или иной политической партии или группировки.

Литовский историк Римантас Микнис, исследовавший деятельность Литовской демократической партии (Lietuvių (Lietuvos) demokratų partija) до начала Первой мировой войны, отметил, что представители этой партии сотрудничали с политическим направлением «краевцев» и одновременно поддерживали некоторые издательские проекты белорусского национального движения, например издание газеты на польском языке «Kurjer krajowy» (1912–1913).

Йонас Вилейшис (Jonas Vileišis), Миколас Слежевичюс (Mykolas Sleževičius), Степонас Кайрис (Steponas Kairys) участвовали в совещаниях по поводу издания этой газеты и даже рассматривали возможность финансовой поддержки со стороны Литовской демократической партии[3]. Кроме того, некоторые члены этой партии, также как и представители белорусской интеллигенции, были членами виленских масонских лож, что содействовало укреплению взаимосвязей обоих национальных движений[4].

Историк Дарюс Сталюнас придерживается несколько иной точки зрения. Он считает, что в начале XX века литовская интеллигенция пользовалась «белорусской картой» очень редко и только в тех случаях, когда было необходимо противостоять польскому национальному движению. По крайней мере, эта позиция очевидна в случае формирования представления о Грюнвальдской битве[5]. По мнению Д. Сталюнаса, подобное отношение было обусловлено ощущением опасности. На белорусское движение смотрели как на конкурента, претендующего на наследие Великого Княжества Литовского, а в некоторых случаях и на «литовские земли»[6].

Во время Первой мировой войны, а точнее на протяжении 1915–1916 гг., некоторые представители литовских, польских, еврейских и белорусских политических партий и группировок поддерживали конфедеративные проекты. Однако, как отмечают литовские историки Раймундас Лопата и Эдмундас Гимжаускас, их поддержка в литовском национальном дискурсе в первую очередь была обусловлена резко изменившейся геополитической ситуацией. Кроме того, наряду с конфедеративными проектами рассматривались иные варианты воссоздания государственности[7]. В отличие от литовцев, белорусские политики вплоть до начала 1918 г. придерживались одной позиции, а именно рассматривали государственность Беларуси в федеративной связи с соседними народами[8].

Следует заметить, что до Первой мировой войны освещение белорусского движения, как и тексты белорусских политиков, редко появлялось

в литовской печати. Статьи Вацлава Ластовского, Антона Луцкевича, заметки из «Нашай Нівы» чаще публиковались в периодических изданиях представителей литовских национальных демократов и католического духовенства, чем в изданиях Литовской демократической партии, которая, казалось бы, была более заинтересована в сотрудничестве с белорусским движением.

Именно национальные демократы и представители католического духовенства вели наиболее активную и разноплановую борьбу с влиянием польского движения (например, по вопросу введения литовского языка в дополнительное католическое богослужение). В 1908–1914 гг. эта часть литовской интеллигенции издавала в Вильнюсе[9] журнал «Litwa» на польском языке. В этом издании некоторое время печатались статьи о белорусском движении, а также материалы исторического и религиозного характера на белорусском языке (латинским шрифтом), что являлось исключительным событием в литовской периодической печати.

Как появление, так и исчезновение текстов белорусской проблематики в этом периодическом издании позволяет проследить, как и почему менялось восприятие белорусского движения в литовском национальном дискурсе в начале XX века. По крайней мере в среде литовских национальных демократов и политической группировки христианских демократов.

Редактором журнала «Litwa» являлся поэт, писатель и общественный деятель Мечиславас Давайнис-Сильвестрайтис *vel* Сильвестравичюс (Mečislovas Davainis-Silvestraitis *vel* Silvestravičius) (1849–1919).

Активное участие в национальном движении он принимал еще в период первого литовского издания «Aušra» (1883–1886), в котором велась теоретическая разработка основ литовской национальной программы[10]. Давайнис-Сильвестрайтис определял модерную литовскую национальную идентичность по этнолингвистическому признаку. Литовцем считался тот, кто говорил на литовском языке. Об этом красноречиво свидетельствовала его знаменитая фраза: «*Кем является литовец без литовского языка? Без литовского языка нет и Литвы*» (т. е. не существует литовской нации – *замечание автора*)[11]. В то же время Давайнис-Сильвестрайтис был одним из тех, кто считал необходимым включить в состав литовской модерной нации дворянство, говорившее на польском языке и нередко поддерживающее политическую программу польского национального движения. Выходец из дворянского сословия Давайнис-Сильвестрайтис считал, что литовская нация должна иметь «полную» социальную структуру, включающую как крестьян, так и дворян.

Уже на страницах издания «Aušra» он выдвинул идею этнического происхождения дворянства, которая превращала эту социальную группу в неотъемлемую часть литовской нации[12]. Давайнис-Сильвестрайтис, как и большинство публицистов газеты «Aušra» (например, Станисловас Райла (Stanislovas Raila), Станисловас Диджюлис (Stanislovas Didžiulis)), надеялся «вернуть» дворянство и поэтому не хотел обсуждать проблемы социального и экономического характера и вести обостренную идеологическую борьбу против польского национального движения[13].

Редакция газеты «Aušra» четко очертила способы «внедрения» дворянства в ряды формирующейся модерной литовской нации. Дворянство, «вспомнившее» свое этническое происхождение, должно было принять литовский язык и руководствоваться культурной и политической программой литовского движения. Другие способы «возврата» дворянства не рассматривались.

Следующий этап культурной и политической деятельности Давайниса-Сильвестрайтиса начался после 1905 г. Он был одним из тех, кто подписал «Меморандум литовцев председателю Совета Министров графу С. Витте» (5 (18) ноября 1905 г.), в котором среди других вопросов было выражено требование автономии для Литвы в ее этнографических границах.

В этом документе литовскими считались Виленская, Ковенская, Гродненская, часть Курляндской и Сувалкской губерний[14]. Как заметил Дарюс Сталюнас, «Меморандум» был адаптирован к логике чиновников Российской империи. Кроме того, этот документ не стоит рассматривать как отражение позиции всех литовских политических сил[15].

В этом «Меморандуме» отчетливо прослеживается позиция литовского национального движения, а именно стремление при определении границ возможной автономии Литвы использовать не только этнолингвистический, но и этнографический аргумент. Это позволяло литовской интеллигенции включить в состав литовской «национальной территории» и те земли, большинство населения которых не разговаривало по-литовски.

Таким образом, в состав «национальной территории» попадали особенно важные для литовских политиков объекты – Вильнюс и некоторые части Виленской губернии. Белорусов Виленщины «Меморандум» представлял как «славянизированных литовцев», проживающих «в местностях с литовскими названиями и литовской архитектурой»[16].

В декабре 1905 г. Давайнис-Сильвестрайтис принимал участие в организационном комитете съезда литовцев, вошедшего в литовскую историографию под названием «Великий Вильнюсский сейм». Во время съезда он

пытался наладить контакты с представителями дворянства, объясняя им позицию литовских политических партий и группировок. Видимо, тогда и родилась мысль издания периодического органа на польском языке, который знакомил бы читателей с литовским национальным движением.

Эта идея не была чужда и одному из лидеров литовского национального движения Йонасу Басанавичюсу, который свое новое периодическое издание «Lietuvis» также сначала планировал издавать на литовском и польском языках. Однако если Басанавичюс польский язык рассматривал лишь как дополнительную форму пропаганды литовской национальной идеи, то Давайнис-Сильвестрайтис некоторое время надеялся на возможное сотрудничество литовского и польского движений.

Кроме того, в отличие от других представителей литовской интеллигенции, он считал необходимым включить дворянство в состав литовской модерной нации и верил в таковую возможность. Для него была неприемлема радикальная позиция литовских национальных демократов во главе с Басанавичюсом по проблеме дворянского землевладения[17]. Давайнис-Сильвестрайтис отказался войти в состав формирующейся партии литовских национальных демократов и некоторое время печатался в польском периодическом издании «Kurjer Litewski»[18]. Однако вскоре он убедился в несостоятельности своего же утверждения, что враждебность между литовским и польским движениями является лишь результатом искусственной агитации, а не реальным противостоянием двух национальных движений, и вернулся в окружение Басанавичюса.

В 1906 г. вместе с Басанавичюсом и другими представителями литовской интеллигенции Давайнис-Сильвестрайтис подписал петицию Папе Римскому Пию X с просьбой урегулировать вопрос польского и литовского языка в дополнительном католическом богослужении[19]. В 1907 г. он вошел в состав Общества по введению литовского языка в дополнительное католическое богослужение (Sąjunga pagrąžinimui teisių lietuviškajai kalbai Rymo katalikų bažnyčiose), которое в Виленской губернии вело активную борьбу «за души прихожан» с польским движением[20]. Эту борьбу многие литовские политики приравнивали к борьбе за существование литовцев в Виленской губернии. Польское национальное движение Давайнис-Сильвестрайтис также однозначно трактовал как соперника, а польский язык он рассматривал как дополнительный способ пропаганды литовской национальной программы среди польскоязычного населения.

В июле 1908 г. Давайнис-Сильвестрайтис, начиная издавать журнал «Litwa», имел ясно обозначенные цели. Во-первых, как и представители формирующейся группировки христианских демократов, он все еще верил

в возможность «возвращения» дворянства в состав литовской нации. Политик прекрасно понимал, что «национализация» дворянства с помощью языкового критерия не могла принести должных результатов. Именно поэтому на первый план выходил аргумент этнического происхождения этой социальной группы. Этот аргумент литовская интеллигенция активно использовала также в идеологической борьбе с польским движением.

Таким образом, по крайней мере в теоретическом плане «национализация» дворянства позволяла литовской интеллигенции легитимизировать проект создания автономии Литвы в этнографических границах и противостоять идее государственности Литвы на исторической основе. Как известно, польское национальное движение довольно часто в качестве аргумента в пользу возрождения ВКЛ использовало факт национальной принадлежности дворянства, как «цемента» единой государственности Польши и «исторической Литвы», под которой подразумевалась Литва и Беларусь как единый регион[21].

Другая задача, которую решала «Litwa», была связана с территориальными претензиями литовского национального движения. С помощью этнографического аргумента литовские политики стремились включить в состав «национальной территории» те земли, где большинство населения не знало литовского языка. В первую очередь, речь шла о Вильнюсе и западной части Виленской губернии, присоединение которых к литовской «национальной территории» нарушало этнолингвистический принцип. Уже во вступительной статье журнала «Litwa» утверждалось, что население Виленской губернии (кроме Вилейского и Дисненского уездов) по своему этническому происхождению является литовским[22]. Это население называли «славянизированными литовцами», которые переняли польский или белорусский языки.

Такая трактовка этнической ситуации в Виленской губернии позволяла литовским политикам не только расширить ареал «своей» территории, но и давала идеологическую основу для борьбы с польским влиянием на этих территориях. Как утверждал Давайнис-Сильвестрайтис, этническая ситуация в Виленской губернии была следствием экспансивной политики польских политиков, которые посредством католической церкви и школьного образования стремились «полонизировать» литовское население. Однако, по мнению главного редактора, «ополячилась» лишь небольшая часть «этнических литовцев», большинство – переняло белорусский язык, который «был схож с польским языком и со времен ВКЛ был знаком литовцам»[23].

Литовские политики считали более приемлемым говорить о «белорусизации» населения Виленской губернии. Возможно, этому способствовало то,

что белорусское движение, в отличие от польского, еще не воспринималось как конкурент. Некоторые представители литовской интеллигенции даже рассматривали возможность использовать белорусов как союзников в борьбе с польским влиянием.

Уже во время съездов автономистов (1905), на которых представители различных национальных движений обсуждали вопрос целостности Литвы, литовцы однозначно заявили, что не может быть и речи об автономии Литвы и Беларуси как единой политической и территориальной единицы. Тогда же литовская интеллигенция предложила белорусам рассмотреть вариант автономии Беларуси как отдельного региона[24].

Однако детальной разработки эта идея не получила. Всё же главной целью литовских политиков была борьба с идеей автономии «исторической Литвы». На съездах автономистов они утверждали, что позиция белорусской интеллигенции противоречит интересам всего белорусского движения, которое, по их мнению, все еще было слабым.

Это утверждение литовских политиков в большей степени диктовалось сложившейся ситуацией, нежели на самом деле передавало восприятие ими белорусского движения. Однако даже после съездов автономистов и переговоров литовских и белорусских социал-демократов, которые также выявили разногласия в территориальных вопросах между двумя национальными движениями[25], в литовском национальном дискурсе все же доминировало убеждение, что белорусское национальное движение не стоит рассматривать как конкурента[26]. Отдельные представители литовской интеллигенции, которые поддерживали личные связи с белорусскими деятелями, даже предлагали использовать белорусское движение как своего союзника.

Так, литовский литературный критик и драматург Людас Гира[27], который впоследствии станет одним з главных корреспондентов журнала «Litwa», в 1907 г. на страницах газеты «Lietuvis» призывал детально рассмотреть развитие белорусского национального движения, оценить его культурную и политическую программу. Гира, который в то время поддерживал личные контакты с Янкой Купалой и Вацлавом Ластовским, был уверен, что литовское и белорусское движения имеют одного и того же польского конкурента и могут совместно бороться с его идеологическим влиянием. По крайней мере, в 1907 г. (впоследствии позиция Гиры изменилась) он утверждал, что *«у нас те же враги и мы должны сотрудничать»*[28].

В газете «Lietuvis» было опубликовано выступление А. Бычковского [?] на Первой литовской художественной выставке в Вильнюсе, в котором де-

лался акцент на то, что схожие по своей социальной структуре белорусское и литовское национальные движения обязаны противостоять польскому движению, интересы которого в основном представляет дворянство[29].

В газете литовских национальных демократов было вынесено на обсуждение предложение введения отдельной рубрики, посвященной взаимоотношениям литовского и белорусского национальных движений[30]. Эта идея получила развитие в новом органе литовских национальных демократов и католического духовенства – газете «Viltis». В 1907 г. на ее страницах была опубликована статья о белорусском движении и фрагменты сборника поэзии Францишка Богушевича «Дудка беларуская» в переводе на литовский язык[31].

Возможность сотрудничества литовского и белорусского движений рассматривал и сам Давайнис-Сильвестрайтис. В 1907 г. в подготовленной к печати статье[32] и стихотворении «Odezwa Litwy do Białorusi»[33] он вновь утверждал, что поляки при помощи костела и школы «полонизировали» сначала дворянство, ранее говорившее на литовском и белорусском языках, а затем и «простой народ» Виленской и Гродненской губерний[34].

В этих текстах Давайнис-Сильвестрайтис уже не поднимал вопрос этнического происхождения населения Виленской губернии. Он утверждал, что белорусский язык использовался в канцелярии ВКЛ и на нем говорили великие князья и дворянство. Давайнис-Сильвестрайтис от имени литовского движения призывал белорусов бороться за введение родного языка в богослужение, развивать школьное образование и литературный язык[35].

Следует отметить, что «Litwa» и «Наша Ніва» печатались в типографии Мартина Кухты, что также могло содействовать обмену информацией. Во втором номере журнала «Litwa» был напечатан фотомонтаж заголовков периодической печати, среди которых была и «Наша Ніва»[36], а также помещен рекламный буклет самой газеты[37]. В свою очередь на страницах «Нашай Нівы» 11 (24) сентября 1908 г. также появился упомянутый фотомонтаж под названием «Litoŭskije hazety» и сообщалось о выходе нового периодического издания, в котором *«litoŭcy baroniać sprawy swaje prad usimi, chto nie razumieje pa litoŭsku“*[38]. В следующем номере был также помещен рекламный буклет журнала «Litwa»[39].

В том же втором номере издания «Litwa» появилась рубрика «Prasa białoruska», в которой была опубликована на польском языке статья редактора «Нашай Нівы» Александра Власова. В ней говорилось о противостоянии белорусов и польского национального движения[40]. Трудно сказать, кто в редакции отвечал за подбор и перевод статей белорусских авторов на

польский язык. Возможно, это делал сам Давайнис-Сильвестрайтис или Гира. Также не исключена возможность, что переводили сами авторы.

Попытки белорусской интеллигенции использовать журнал «Litwa» в качестве еще одной платформы для распространения своей национальной программы прослеживаются уже в 1909 г. Так, Антон Луцкевич посчитал необходимым статью «Национальное возрождение белорусов» поместить не только в чешском издании «Slovansky Prehled», российском «Московском еженедельнике», но также перевести на польский язык для публикации в издании Давайниса-Сильвестрайтиса[41]. Сразу же после этой статьи в журнале «Litwa» появилась публикация, в которой утверждалось, что белорусское движение следует расценивать как «живой организм». Автор призывал отказаться от взгляда на него «свысока» и пробовать соединить литовские и белорусские силы в идеологической борьбе с польским движением[42]. В 1909 г. интерес к белорусскому национальному Возрождению на страницах журнала «Litwa» еще более вырос.

Давайнис-Сильвестрайтис поддержал инициативу белорусского католического духовенства ввести белорусский язык как язык дополнительного богослужения в некоторых местностях Виленской губернии[43]. В 1909 г. на страницах «Litwy» Вацлав Ластовский опубликовал концепцию происхождения белорусского народа от племени кривичей[44] и собственную версию хода Грюнвальдской битвы[45].

Как известно, в литовском национальном дискурсе образ сражения 1410 г. также использовался в идеологической борьбе с польским движением. Именно поэтому статья Ластовского, в которой победа в сражении отдавалась литовцам и белорусам, а не полякам, была перепечатана в газете «Viltis». По мнению Дарюса Сталюнаса, в данном случае литовская интеллигенция искала союзника, на роль которого вполне подходила статья Ластовского[46].

В том же номере «Litwy», где была опубликована статья Ластовского о Грюнвальдском сражении, Давайнис-Сильвестрайтис поместил стихотворение «Ja kliču was...» на белорусском языке (латинским шрифтом). Автор призывал белорусов развивать свой родной язык, а также «не стыдиться и признавать себя белорусами»[47]. Однако эти публикации вызвали критику со стороны других корреспондентов журнала «Litwa» .

Так, Габриэлюс Ландсбергис-Жемкальнис (Gabrielius Landsbergis-Žemkalnis) утверждал, что действия редактора газеты противоречат главной концепции издания – «приучить» читателя, выходца из дворянского сословия и жителя Виленской губернии, мыслить в литовских национальных кате-

гориях[48]. Он же заявил, что литовская интеллигенция не должна способствовать развитию белорусского национального движения. При этом он не был одинок в своих рассуждениях.

Возможно, публикации Ластовского помогли литовской интеллигенции осознать, что белорусское движение также претендует на наследие ВКЛ, что было чревато конфликтами в территориальных вопросах. По крайней мере, отпечаток таких суждений можно обнаружить в статьях такого же Гиры.

В 1910 г. Гира обратил внимание литовской интеллигенции на «Беларускі каляндар» «Нашай Нівы», в котором частью белоруской «национальной территории» считалась вся Виленская губерния, в т. ч. Трокский уезд[49]. Однако в литовском национальном дискурсе Трокский уезд считался литовской этнической территорией. Эту этническую составляющую зафиксировала даже Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Литовские политики однозначно причисляли к «своей» территории Виленский, Трокский и Свенцянский уезды, а в некоторых случаях также части Лидского, Ошмянского и Дисненского уездов[50].

Гира, расценивая возможные территориальные претензии белорусских политиков, утверждал, что враждебность по отношению к литовскому движению присуща не только польским, но и белорусским деятелям[51]. *«Опасность большая, чем мы думаем»*, – так в 1910 г. резюмировал свою позицию тот, кто совсем недавно рассматривал белорусское национальное движение в роли союзника.

Необходимо отметить, что Давайнис-Сильвестрайтис также изменил свое отношение к белорусскому движению. В частности, он вновь поднял вопрос об этнической принадлежности населения Виленской губернии. В статье «Tutejsi mówiący po prostemu» он утверждал, что эту часть населения следует считать литовской по своему этническому происхождению. По мнению Давайниса-Сильвестрайтиса, *«менее ангажированные в национальных и культурных вопросах литовцы Виленской губернии переняли «простой», или белорусский, язык как наилучший способ коммуникации с польским дворянством, белорусскими соседями и русской администрацией»*[52]. «Белорусскими» по своему этническому характеру Давайнис-Сильвестрайтис считал лишь Дисненский и Вилейский уезды Виленской губернии[53].

В том же 1910 г. он отказался сотрудничать с представителем белорусской интеллигенции в Гродно Павлом Алексюком, который прислал обширный очерк о развитии белорусского движения и стремился поддерживать активные связи с литовскими политиками и деятелями культуры[54].

В 1910 г. в журнале «Litwa» еще появлялись некоторые тексты по «белорусской проблеме», однако они уже были эпизодическими и связанными с религиозными вопросами[55].

С начала 1911 г. журнал «Litwa» существенно изменил свой взгляд на белорусское национальное Возрождение. Редактор газеты уже утверждал, что полякам не удалось бы *«полонизировать восточные части этнографической Литвы»*, если бы этому не содействовали *«массы белорусского народа»*[56].

Более того, в 1912 г. Давайнис-Сильвестрайтис констатировал *«упадок белорусского дела»*, говорил о *«театральной войне»*, которую якобы ведут представители белорусской интелигенции дворянского происхождения с польскими политиками[57]. Возможно, это была реакция на связь лидеров белорусского движения с представителями «краевцев», от сотрудничества с которыми редакция «Litwa» в то время уже отказалась[58].

Новый поворот в отношении редакции журнала «Litwa» к белорусскому движению произошёл в преддверии Первой мировой войны. В это время круг корреспондентов этого периодического издания состоял преимущественно из представителей католического духовенства. В результате на страницах «Litwy» в основном описывалась борьба «за души прихожан» в Виленской губернии. Редко поднимались вопросы широкого политического характера. Временами журнал превращался в неофициальный орган литовского общества по введению литовского языка в дополнительное богослужение. Именно поэтому Давайнис-Сильвестрайтис и его окружение благосклонно встретили издание газеты «Biełarus».

Накануне Первой мировой войны на страницах «Litwy» рассматривалась возможность объединить силы литовского и белорусского католического духовенства в борьбе за родной язык дополнительного богослужения. Даже Гира, а также редактор католической газеты «Draugija» Александрас Дамбраускас (Aleksandras Dambrauskas)[59] и некоторые члены Общества по введению литовского языка в католическое богослужение[60] заговорили о том, что белорусский язык также должен быть введен в костел[61].

В идеологической борьбе против влияния польского национального движения окружение периодического издания «Litwa» напоминало о существовании белорусов в Виленской губернии, выступало за их право молиться на родном языке. В то же время редакции журнала «Litwa» и газеты «Draugija» не спешили разрабатывать данный вопрос, чтобы определить, в каких частях Виленской губернии преобладают литовцы, а в каких – белорусы-католики. Очевидно, что и эта часть литовской интеллигенции не забывала о возможных трениях между литовским и белорусским движениями по территориаль-

ным вопросам, поэтому не развивала тему этнической принадлежности жителей Виленской губернии.

***

Представленный в статье материал касается единичного случая и не позволяет делать широкие выводы о том, как и почему менялся взгляд литовской интеллигенции на белорусское национальное движение в начале XX века. Кроме того, периодическое издание «Litwa» выражало позицию лишь части литовской элиты, в первую очередь представителей литовской национальной демократии и отчасти католического духовенства.

Они рассматривали возможность союза с белорусским движением в основном, когда речь шла об идеологическом и фактическом противостоянии польскому национальному движению. Складывается впечатление, что литовских национальных демократов и часть католического духовенства не интересовало *само* развитие белорусского национального движения. Идея возможного союза с белорусами была обусловлена «польским вопросом», а не являлась результатом последовательного изучения политической и культурной программы белорусского национально-культурного Возрождения. Эти представители литовской интеллигенции не были последовательны в стремлении видеть в белорусах союзника или конкурента, о чем свидетельствует хотя бы позиция Л. Гиры.

Отношение к проблеме сотрудничества с белорусами изменилось в 1910–1911 гг. Представители литовских национальных демократов демонстрировали определенную настороженность по отношению к белорусскому движению. Они видели растущие претензии белорусских политиков на наследие ВКЛ, предчувствовали возможные конфликты в вопросе принадлежности Виленской губернии и Вильнюса (в белорусском национальном дискурсе – Вільні) и опасались столкновения концепций «этнографической Литвы» и «этнографической Беларуси». Эта часть литовских политиков накануне Первой мировой войны увидела стремление белорусской элиты определять территорию Беларуси, также руководствуясь в первую очередь этнолингвистическими и этнографическими критериями.

Примечания

1 См.: Miknys R. Vilniaus autonomistai ir jų 1904–1905 m. Lietuvos politinės autonomijos projektai // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. T. 3: Lietuvos valstybės idėja (XIX a. – XX a. pradžia). Vilnius. P. 190–203; Міkніс Р. Літва и Беларусь: перыпетыі

дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам Ч. 2. Мінск, 1997. С. 249–253; Staliūnas D. Lietuviškojo nacionalizmo erdvėkūra iki 1914 metų // Lietuvos erdvinės sampratos ilgajame XIX šimtmetyje. Straipsnių rinkinys. Vilnius, 2015. P. 141–175.

2 Унучак А. *Наша Нива* и белорусское национальное движение начала XX в. // Acta humanitarica universitatis Saulensis. Mokslo darbai. T. 12 (2011); Nuo atgimimo iki valstybingumo: sociokultūriniai aspektai. Tomas skiriamas dr. Jono Šliūpo 150-osioms gimimo metinėms. Šiauliai, 2011. P. 172–180.

3 Miknys R. Lietuvių demokratų partija 1902–1915 metais // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. Vilnius, 1995. P. 148–149.

4 Ibidem. P. 161–162; Смалянчук А. Адраджэнне вольнага мулярства на беларускіх і літоўскіх землях на пачатку XX ст. // Вольныя муляры ў беларускай гісторыі канец XVIII – пачатак XX ст. Вільня: Gudas, 2005. С. 157–185.

5 Staliūnas D. Žalgirio vaizdinio funkcijos XIX a. pabaigos – XX a. pradžios lietuviškame istoriniame pasakojime // D. Mačiulis, R. Petrauskas, D. Staliūnas, Kas laimėjo Žalgirio mūšį? Istorinio paveldo dalybos Vidurio ir Rytų Europoje. Vilnius, 2012. P. 66–67.

6 Staliūnas D. Lietuvių nacionalizmas ir sostinės problema (XIX a. pabaiga – XX a. pradžia) // Lietuvos istorijos metraštis, 2013/1, 2014. P. 92.

7 См.: Gimžauskas E. Baltarusių veiksnys formuojantis Lietuvos valstybei 1915–1923 metais, Vilnius, 2012. P. 55; Lopata R. Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais. Vilnius, 1996. P. 115–116.

8 См.: Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864 – люты 1917 г. Санкт-Пецярбург, 2004; Хомич С. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному. Минск, 2011. С. 40–53.

9 В начале XX века современный город Вильнюс имел несколько наименований. В имперском дискурсе – Вильна, в польском – Wilno, в литовском – Vilnius, в белорусском – Вільня. В статье, когда речь идет о литовском национальном дискурсе, используется литовское название города, когда о белорусском – белорусское.

10 Staliūnas D. Lietuvos idėja *Aušroje* // Archivum Lithuanicum, 2013. T. 15. P. 271–293.

11 Mastianica O. “Bajoras, rašantis lietuviškai”, arba kalbos ir tautinės tapatybės ryšys ankstyvojoje Mečislovo Davainio-Silvestraičio piblicistikoje // Archivum Lithuanicum, 2013. T. 15. P. 331–348.

12 См.: Mastianica O. “Bajoras, rašantis lietuviškai”... P. 331–348.

13 Об отношении редакции к польскому национальному движению более подробно см.: Staliūnas D. Lietuvos idėja *Aušroje.* P. 271–293.

14 Цит. по: Motieka E. Didysis Vilniaus seimas. Vilnius, 2005. P. 274.

15 Staliūnas D. Lietuviškojo nacionalizmo erdvėkūra iki 1914 metų. P. 149–150.

16 Цит. по: Motieka E. Didysis Vilniaus seimas. Vilnius, 2005. P. 274.

17 В манифесте Национальной партии литовских демократов (Tautiškoji Lietuvių Demokratų partija) (конец 1905 г.) в разделе «Экономическая и финансовая политика» содержалось требование «за минимальную плату экспроприировать имения дворян и таким образом передать эти земли малоземельным и безземельным».

Кроме того, в этом программном документе оговаривалось, что множество имений представителей «польской культуры» возникло из крестьянских деревень. См.: Tautiškosios lietuvių demokratų partijos manifestas // Lietuvių atgimimo istorijos studijos, T. 1: Tautinės savimonės žadintojai: nuo asmens iki partijos. Vilnius, 1990. P. 195.

18 Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864 – люты 1917 г. С. 208.

19 Apie lenkų kalbą Lietuvos bažnyčiose. Lietuvių raštas, paduotas Jo šventenybei Pijui X. Popiežiui ir visiems S.R. Katalikų Bažnyčios kardinolams. Kaunas, 1906. Как известно, после Указа императора от 17 апреля 1905 г. идеологи различных национальных движений особое внимание уделяли открывшейся возможности вести борьбу за «души прихожан», прекрасно осознавая, что религия, точнее ее символы и ритуалы, является могущественным оружием «национализации» масс. В 1907 г. по инициативе Басанавичюса было создано Общество по введению литовского языка в католическое богослужение, членом которого стал и Давайнис-Сильвестрайтис. Басанавичюс знал о письме кардинала Рафаеля Мэрри дел Вали от 28 июня 1907 г. епископу Виленской епархии Эдварду фон Роппу о возможности вести дополнительное богослужение «на диалектах русской речи», т. е. на белорусском и украинском языках. На встрече с представителями местной светской администрации генерал-губернатором К. Кршивицким и управляющим канцелярией генерал-губернатора А. Станкевичем Басанавичюс также поднимал вопрос о возможности печатать на белорусском языке книги для богослужения.

20 Basanavičius J. Mano gyvenimo kronika ir nervų ligos istorija. 1851–1922 m. Vilnius, 1997. P. 189.

21 Подробнее о том, как в польском политическом дискурсе определялась территория Литвы и Беларуси см.: Mastianica O., Staliūnas D. «Lietuva – tai Lenkijos tęsinys»: teritorinis Lietuvos vaizdinys lenkiškajame diskurse // Lietuvos erdvinės sampratos ilgajame XIX šimtmetyje. Straipsnių rinkinys, Vilnius, 2015. P. 175–203.

22 M. D. S. [Davainis-Silvestraitis D.]. Zgoda co do języków // Litwa, 1908. Nr. 1. P. 1-2. Также см.: Perk-nėlis [Prapuolenis B]. Kaip lenkomanai darbuojasi // Vilniaus žinios, 1905. Nr. 248. P. 2; St. Raila [Raila Stanislovas]. Cesorystės seimas ir męs // Vilniaus žinios, 1905. Nr. 216. P. 1.

23 M. D. S. [M. Davainis-Silvestraitis]. Zgoda co do języków. P. 1–2.

24 См.: Miknys R. Vilniaus autonomistai ir jų 1904–1905 m. Lietuvos politinės autonomijos projektai. P. 190–203.

25 В мае 1906 г. в Вильнюсе состоялось совещание представителей литовской и белорусской социал-демократических партий. Как вспоминал Антон Луцкевич, Беларуская социалистическая громада выдвинула идею о создании единой социал-демократической партии с отдельными национальными секциями. Однако БСГ не была согласна с позицией литовских социал-демократов считать «литовскими в этнографическом плане» белорусские части Виленской и Ковенской губ. См.: Луцкевіч А. За дваццаць пяць гадоў. Успаміны аб працы першых беларускіх палітычных арганізацыяў: Беларуская рэвалюцыйная грамада, Беларуская сацыялістычная грамада. Вільня, 1928. С. 33.

26 [Kaunas J.]. Kokia turėtų būti mųsų politika su gudais // Vilniaus žinios, 1906. Nr. 177. P. 2.

27 Людас Гира (Liudas Gira, 1884–1946) – литовский литературный критик, драматург, участвовал в деятельности Литовского общества учителей, был секретарем президиума Вильнюсского Великого Сейма.

28 Gerulis L. [Gira L.]. Lietuviškai-baltagudiškas klausimas // Lietuvis, 1907. Nr. 4. P. 60–61. О литературном сотрудничестве Людаса Гиры и Янки Купалы подробнее см.: Lapinskienė A., Maldzis A. Lietuvių-baltarusių literatūriniai ryšiai. Vilnius, 1989. P. 68–74.

29 Broliai lietuviai // Lietuvis, 1907. Nr. 4. P. 63–64.

30 Gerulis L. [Gira L.]. Lietuviškai-baltagudiškas klausimas. P. 61.

31 Skatikas [Grašis V.]. Gudams (baltarusiams) atgijant // Viltis, 1907. Nr. 6. P. 1.

32 Davainis-Silvestraitis M. Głos litewski / Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas (далее – *LLTI RS*). F.1, b. 1276, l. 1.

33 Davainis-Silvestraitis M. Odezwa Litwy do Białorusi / *LLTI RS.* F. 1, b. 1132/1133, l. 1–2.

34 Davainis-Silvestraitis M. Głos litewski, l. 1

35 Niech panuje język «prosty» / Z taką mocą, z taką siłą, / Jak przed laty u was było. / Niechaj w cerkwi on zadźwięczy, / Niech w kościele naród klęczy / I zaśpiewa «po prostemu». / Niech da w szkole miejsce jemu, / Niech drukuje w nim gazety, / Niech się budzi myśl poety (Odezwa Litwy do Białorusi, l. 1–2). [Пусть главенствует простой язык / с такой силой, / как раньше у вас было, / пусть в церкви он звучит, / пусть в костеле народ молиться / и запоет “на простом”, / пусть в школе для него найдется место, / пусть газеты на нем печатаются, / пусть рождается мысль поэта].

36 Współczesne pisma litewskie i białoruskie w granicach Państwa Rosyjskiego // Litwa, 1908. Nr. 2. S. 22.

37 Pierwsze pismo białoruskie ilustrowane «Nasza Niwa» // Litwa, 1908. Nr. 2. S. 32.

38 Litoŭskije hazety //Наша Ніва, 1908. Nr. 19. С. 5.

39 Abjaŭlennia. «Litwa» // Наша Ніва, 1908. Nr. 20. С. 7.

40 Prasa białoruska. Stanowisko białorusinów // Litwa, 1908. Nr. 2. С. 28–29. Для сравнения см.: Wilnia, 25 apryla // Наша Ніва, 1908. Nr. 9. S. 1–2. Так, внимание редакции журнала «Litwa» заслужил съезд студентов в Праге, на котором были подняты вопросы о введении белорусского языка в школьное образование. Для сравнения см.: Prasa białoruska. Białorusini na zjezdzie wszechsłowianskim postępowych studentów w Pradze czeskiej // Litwa, 1908. Nr. 2. S. 29–30. Для сравнения см.: Ūsiesławianski zjezd prohresiūnych studentoū u Prazie // Наша Ніва, 1908. Nr. 14. S. 4. Заметка российского историка, филолога-слависта Александра Погодина о развитии белорусского национального движения: Prasa białoruska // Litwa, 1908. Nr. 4. S. 62. Для сравнения см.: Kolki słoŭ ab nacjonalnym adradzeńniu zabytaho narodu // Наша Ніва, 1908. Nr. 20. С. 1–2.

41 Подр. см.: Луцкевіч А. Барацьба за вызваленьне. Вільня, 2009. С. 532; Nowina A. Odrodzenie narodowe Białorusinów // Litwa, 1909. Nr. 4 (10). S. 50–54.

42 Alfa [?]. O stosunku pobratymczych narodów do Bialorusinów // Litwa, 1909. Nr. 5 (11). S. 69–70.

43 Romuald...[?]. Kiedy nasza mowa wejdzie do kościoła? // Litwa, 1909. Nr. 11 (17). S. 168–170. Давайнис-Сильвестрайтис к этой статье сделал такое примечание: «Помещенная статья на белорусском языке должна быть понятна тем, кто знает польский и русский языки».

44 Włast. Nostalgia // Litwa, 1909. Nr. 17(23). S. 252–254.

45 Włast. Rocznica Grünwaldzka // Litwa, 1909. Nr. 19 (25). S. 279–281.

46 См.: Staliūnas D. Žalgirio vaizdinio funkcijos XIX a. pabaigos – XX a. pradžios lietuviškame istoriniame pasakojime. P. 66–67.

47 Budziciel[?]. Ja kliču was... // Litwa, 1909. Nr. 19(25). S. 284–285.

48 Письмо Ландсбергиса-Жемкальниса Давайнису-Сильвестрайтису от 19 ноября 1909 г. / *LLTI RS*. F. 1-3870, l. 1.

49 Например, в статье «Важнейшыя кірмашы на Беларусі» были названы ярмарки в Алитусе, Бутриманцах, Стаклишкес. См.: Першы беларускі каляндар «Нашае Нівы» на 1910 год. Вільня, 1910. С. 16–17. Необходимо отметить, что в упомянутом издании имелась рубрика «Аб Беларусі», в которой территория Беларуси виделась в пяти губерниях «Северо-Западного края». Подр. см.: Mastianica O. Tarp etnografinės Baltarusijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės atkūrimo: baltarusiškojo nacionalizmo erdvėkūra XX a. pradžioje // Lietuvos erdvinės sampratos ilgajame XIX šimtmetyje, Vilnius, 2015. P. 203–227.

50 Staliūnas D. Lietuviškojo nacionalizmo erdvėkūra iki 1914 metų. P. 157.

51 Gira L. Pavojus didesnis – negu manome // Viltis, 1910. Nr. 52. P. 1–2.

52 M. D. S. [Davainis-Silvestraitis M.].Tutejsi mówiący po prostemu // Litwa, 1909, nr. 22, s. 314.

53 M. D. S. [Davainis-Silvestraitis M.]. Tutejsi mówiący po prostemu, s. 314.

54 В своем письме от 6 июня 1910 г. Алексюк упоминал о том, что «Litwa» вызвала большую заинтересованность среди белорусской интеллигенции в Гродно. Для публикации он представил обширные очерки о развитии белорусского национального движения. Например, в подготовленной статье «Białorusini i ich zadanie w teraźniejszym czasie» Алексюк писал о том, что одной из приоритетных задач белорусского движения является воспитание молодежи в национальном духе и развитие литературного языка. В подготовленном очерке «Białorusini i ich narodowe odrodzenie» при определении территории расселения белорусов он ссылался на исследования Евфимия Карского. Времена ВКЛ представлял как «золотой век» развития белорусского языка и национальной культуры. По сути, Алексюк в своих рассуждениях о развитии белорусского движения придерживался ранее опубликованных текстов Антона Луцкевича. Письмо Алексюка Давайнису-Сильвестрайтису от 6 июня 1910 г. / *LMAVB RS* (Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos rankraščių skyrius). F. 249, b. 620, l. 1; Aleksiuk P. Białorusini i ich zadanie w teraźniejszym czasie / *LMAVB RS*. F. 249, b. 617, l. 1–3; Aleksiuk P. Białorusini i ich narodowe odrodzenie / *LMAVB RS*. F. 249, b. 615, l. 1–3.

55 Например, в 1910 г. корреспондент газеты Михаил Довнар подчеркнул, что «Наша Ніва» не поднимает религиозный вопрос, который мог бы стать «яблоком раздора» среди различных групп белорусского населения. См.: Downar M. Ruch białoruski // Litwa, 1910. Nr. 5. S. 68–71. В то время в журнале «Litwa» печатались

лишь некоторые заметки, касающиеся белорусского движения. Так, была опубликована заметка из газеты «Наша Ніва», в которой фиксировались попытки уладить возникающие конфликты между католиками и православными в некоторых местностях Гродненской губ. См.: «Naša Niwa» // Litwa, 1910. Nr. 10. S. 159. Давайнис-Сильвестрайтис считал необходимым выделить и те заметки из «Нашай Нівы», в которых этническое происхождение дворянства считалось белорусским, а не польским. См.: «Naša Niwa» // Litwa, 1910. Nr. 10. S. 159.

56 M. D. S. [M. Davainis-Silvestraitis]. Przyszłość Litwy i Lotwy // Litwa, 1911. Nr. 6. P. 83–84.

57 Upadek sprawy białoruskiej // Litwa, 1912. Nr. 5. S. 77–78.

58 Необходимо отметить, что некоторые представители демократической партии Литвы (Lietuvos demokratų partija), наоборот, поддерживали активные контакты с «краевцами» и представителями белорусского движения, участвовали в издании газеты «Kurjer krajowy». Подр. см.: Miknys R. Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais. P. 149.

59 В своей статье он утверждал, что представители светской власти обязаны ввести белорусский язык в богослужение. По мнению Дамбраускаса-Якштаса, такой шаг был необходим в борьбе с польским влиянием. См.: Jakštas A. [Dambrauskas A.]. Baltagudžių klausimas katalikų bažnyčioje // Draugija, 1912. Nr. 66/67. P. 169–172.

60 Союз восстановления прав литовского языка в римско-католических церквях этнографической Литвы. Выписка из протокола собрания общества от 4 июня 1914 г. / *LMAVB RS*. F. 43, b. 27498 (14343), l. 4.

61 St. Ld [Gira L.]. Dėl bažnytinių gudų giesmių // Viltis, 1913, gruodžio 6 d. P. 2; P. K. [Klimas P.?]. Pas gudus // Viltis, 1913. Nr. 13. P. 2.